



Но женитьба — без кавычек, ибо речь у нас пойдет не о знаменитой комедии, а о малоизвестном эпизоде из жизни ее автора. О его собственной женитьбе, вернее — о попытке таковой...

К физической стороне любви Гоголь был равнодушен. Мужчина сорока лет, в самом соку даже по тем временам (многие в этом возрасте, да и гораздо старше женились на молоденьких), он дал основание заявить одному своему знакомому, причем человеку не случайному, а кое-что смыслящему в подобных делах, поскольку был медиком: "Сношений с женщинами он давно не имел, и сам признавался, что не чувствует в том потребности и никогда не ощущал от этого особого удовольствия".

Но ведь союз с женщиной, в том числе и брачный союз, может держаться и на другом? Может... Однако надо помнить, что Гоголь был из тех редких людей, что предпочитают шагать по жизни налегке, не обременяя себя тем, без чего, в общем-то, можно обойтись. "Я просто стараюсь не заводить у себя ненужных вещей и сколько можно менее связываться с какими-нибудь узами на земле".

Писано это в 1849 году — том самом году, на который, по некоторым данным, довольно зыбким, как это всегда у Гоголя, приходится попытка вольнолюбивого человека обзавестись именно узами, причем узами не какими-то временными, преходящими, а в высшей степени серьезными, до конца жизни.

Брачными! Да-да, брачными...

А еще это было время, когда писался, и переписывался, и сжигался, и воссоздавался вновь ожидаемый с нетерпением всей читающей Россией второй том "Мертвых душ".

Естествен вопрос: не отразилось ли первое событие на втором? Не запечатлена ли, часом, сия таинственная дама на страницах погибшего в огне тома?

Запечатлена. Прямых подтверждений этому, естественно, нет, как и всему, что имеет отношение к Гоголю, но есть — косвенные, в том числе свидетельство одного из тех, кто близко знал писателя, а также знал эту женщину и, вдобавок ко всему, не раз слышал в авторском исполнении главы второго тома. Это — Иван Аксаков.. Известно, что, помимо воспоминаний отдельных счастливчиков о чтении автором в их присутствии сожженных впоследствии великих страниц, уцелело и кое-что более материальное: чер-) новые редакции первых четырех глав и одна из последних. Стало быть, уцелели и некоторые герои. Среди них — обещанная читателю в конце первого тома "чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения".

Зовут "чудную девицу" Улинькой. Она дочь генерала, "существо невиданное, странное, которую скорей можно почесть каким-то фантастическим видением, чем женщиной".

Так вот, по убеждению Ивана Аксакова, прототипом Улиньки была Анна Михайловна Вьельгорская, дочь пусть не генерала, но человека весьма знатного, приближенного к царю и к тому же отменного музыканта. Сочиненные им романсы распевал весь Петербург, а великодушный немец Роберт Шуман назвал его однажды "гениальнейшим".

Используя свое влияние при дворе, граф Вьельгорский протащил на сцену "Ревизора", да и впоследствии неоднократно помогал строптивому автору в его изнурительной борьбе с цензурой.

Гоголь переписывался и с самим графом, и с супругой его Луизой Карловной, урожденной принцессой Бирон, дамой строгой и весьма разборчивой в знакомствах, но к прославленному сочинителю благоволящей (хотя не настолько, чтобы отдать за него, мелкого помещика, свое чадо); переписывался и с дочерьми высокопоставленной четы, младшая из которых, Анна, сделалась предметом его особых забот как педагогических (все наставлял на путь истинный), так и интимного характера. Домашние звали ее ласково "Нози", что в переводе с английского означает "носатая". Для некоторых, возможно, это и считалось изъясном, но Гоголь, у которого означенная часть лица была, как известно, размеров выдающихся, так не полагал.

Зимой 1843—1844 годов Вьельгорские снимали роскошный особняк в Ницце. Гоголю здесь была отведена отдельная комната. По утрам он прогуливался по берегу уже остывшего моря с главой семейства и его младшей дочерью, жадно внимавшей каждому слову знаменитого писателя.

Тогда Нози было ровно двадцать, но знала она Гоголя уже давно, с восьмилетнего, по существу, возраста; родители уходили к знакомым слушать в авторском исполнении гремевшие на весь Петербург малороссийские, полные волшебных приключений повести юного хохла, а после с восторгом обменивались дома впечатлениями. Ах, как хотелось ей увидеть необыкновенного сказочника! Ах, как хотелось услышать его!

И вот свершилось. Нози ценила это. А когда он, уехав во Франкфурт, прислал ей письмо — не матери, не отцу, не старшей сестре, а ей, ей лично! — то она "тронута была до глубины сердца". Так, во всяком случае, оценила реакцию дочери сама Луиза Карловна, о чем не преминула сообщить Гоголю. И продолжала:

"Лицо ее как бы просветлилось при чтении ваших пророческих наставлений. Она чувствует необходимость заслужить лестное ваше о ней мнение".

О каких пророчествах идет речь? Сколь ни трудно, говоря о Гоголе, быть определенным, на этот вопрос ответить можно: Нози сохранила гоголевское письмо. Помимо всего прочего, оно было ей дорого еще и потому, что ведающий тайну слов писатель возвращал юной корреспондентке подлинное ее имя.

Оказывается, она никакая не Нози, она — Благодать: "Анна" в переводе с древнееврейского означает именно это.

"Вы будете, точно, Божья благодать для всего вашего семейства и всех вас окружающих".

Старик Аксаков утверждал, что Гоголь "льстит женщине, ее красоте, ее прелестям", и это в какой-то мере справедливо, но ведь далеко не на всякую женщину специфическая гоголевская лесть действовала так, как на Анну Вьельгорскую. Та была буквально околдована сказочником. "...Я вхожу в ваши чувства, вижу вашими глазами и мыслю вашими мыслями". Словом, думает о нем постоянно, и не просто думает, а различает мысленным взором, "куда вы смотрите, что думаете и играете ли усами или просто сидите с сложенными руками, с полужакрытыми глазами".

Тут уж не просто духовный поводырь, а весьма реальный мужчина, и это — не случайная нотка. Не случайная и далеко не единственная. В другом письме Нози признается, с каким упоением вспоминает об их сокровенных беседах.

"Вы меня тогда слушали, тихонько улыбаясь и закручивая усы... Как я вас вижу, Николай Васильевич, точно как будто вы предо мной стояли!"

Духовным поводырям так не пишут. Да и духовные поводыри не крутят перед молодыми девицами усы — здесь явно нечто иное.

Осень 1848 года обозначается биографами Гоголя как начало его "романа" с Анной Вьельгорской. Николай Васильевич и прежде бывал частым гостем в этой семье, теперь же визиты участились, и если тайные причины этого обстоятельства от родителей ускользнули — сановным родителям и в голову не приходило, что какой-то мелкопоместный дворянишка дерзнет свататься к их дочери, то писателю Соллогубу, женатому на одной из дочерей Вьельгорских, истина открылась довольно быстро. "Анна Михайловна, — читаем а его "Воспоминаниях", — кажется, единственная женщина, в которую влюблен был Гоголь". ,

Но вот вопрос: взаимно ли? Об этом у Соллогуба нет ничего, однако письма самой Анны Михайловны пусть не прямо, пусть косвенно, а все же давали основание надеяться тому, кто получал их.

"Мне очень хочется знать, что вы делаете с тех пор, что вы в Москве, как вы себя чувствуете и как вы перенесли первые морозы. Отвечайте, пожалуйста, на все мои вопросы".

Отвечайте! Так с Гоголем не разговаривал никто. Мемуаристы рисуют его человеком молчаливым, насупленным, капризным, которому ничего не стоило, явившись в дом, где собрались исключительно ради его милости, не удостоить общество ни единым словом. И общество принимало это как должное. Не роптало... Не обижалось... А тут: "Отвечайте!"

Надо сказать, что он тоже пекся о здоровье Нози и даже делал соответствующие предписания. "О здоровье вновь вам инструкция: ради Бога, не сидите на месте более полутора часа, не наклоняйтесь на стол: ваша грудь слаба, вы это должны знать".

Редчайший, если не единственный случай, когда Гоголь пишет не о своей физической слабости, не о своих хворях, не о своем немощном теле, а о слабостях и хворях другого человека. Стараются уберечь его как от долгой неподвижности, так и от резких движений, "в особенности бешеных танцев: они приводят кровь в волнение".

Предвкушая скорую встречу с сестрами Вьельгорскими и более всего, надо полагать, с младшей, Гоголь признается, что у него захватывает дух от радости. "Нервическое ли это расположение или истинное чувство, я сам не могу решить".

В конце концов пришел-таки к выводу: чувство... И чувство истинное...

"Случилось что-то вроде любви, но и тут дело как-то свернулось на ничего".

Это, правда, уже не письмо, это художественное произведение, второй том "Мертвых душ", когда герой ощущает себя околдованным прекрасной Улинькой. "Неизъяснимое, новое чувство вошло к нему в душу. Скучная жизнь его на мгновение озарилась".

Страницы, где описано сватовство героя к Улиньке, утрачены, мы знаем о них косвенно, с чужих слов — со слов тех, кто слышал второй том в авторском исполнении, — точь-в-точь, как знаем с чужих слов о сватовстве Гоголя.

Дабы обезопасить себя от унижения отказа, осторожный Николай Васильевич пытался сделать предложение не прямо, а через мужа старшей сестры Вьельгорских Алексея Веневитинова, которого, в свою очередь, подготовил специальным письмом, до нас не дошедшим.

В другом письме, сохранившемся, Гоголь объявляет это недошедшее "неуместным" и просит прощения за то, что "смутил" адресата. И прибавляет: "Что ж делать, утопающий

хватается за все".

Веневитинов (брат знаменитого и к тому времени уже мертвого поэта) хорошо знал характер и воззрения своей тещи, а потому без обиняков заявил претенденту, что хватайся не хватайся, а дело его — труба. Так, во всяком случае, гласит семейное предание Вьельгорских. Но в нем ни полслова нет о том, знала ли о задумке несостоявшегося жениха сама Анна Михайловна.

По-видимому, знала. А иначе как объяснить письмо — совершенно необычное для Гоголя письмо, — которое он отправил ей весной 1850 года?

Сказать, что Гоголь излил в нем душу, было бы натяжкой, ибо душа изливается свободно и легко, а тут был долгий, кропотливый, мучительный труд — сродни работе над преданной огню поэмой.

"Писал, поправлял, марал, вновь начинал писать и увидел, что нужно изорвать написанное. Нужна ли вам, точно, моя исповедь? Вы взглянете, может быть, холодно на то, что лежит у самого сердца моего..."

Стало быть, он в Нози неуверен. Да, она была добра с ним — добра чрезвычайно! — да, она интересовалась его здоровьем, да, нуждалась в нем, но вот любила ли?

Сергей Тимофеевич Аксаков, об острой наблюдательности которого свидетельствуют его книги, обронил в одном частном, семейном, к сыну обращенном письме страшную фразу: "...поистине я не знаю ни одного человека, который бы любил Гоголя".

Аксаков уточняет: любил бы не за талант — таких хоть пруд пруди, — а помимо таланта, , как человека. Неужто даже Нози не была исключением?

Ему казалось: была, но после объяснения, о котором мы можем лишь догадываться по тому стоящему особняком во всем эпистолярном гоголевском наследии письму, наступило жестокое отрезвление.

"...Я много выстрадал с тех пор, как расстался с вами в Петербурге. Изныл всей душой, и состояние мое так было тяжело, так тяжело, как я не умею вам сказать".

Он не упрекает ее ни в чем, упаси Бог! Напротив, упрекает себя — за то, что окружил ее "мутными облаками недоразумений".

Что, однако, считает он недоразумением? Свое чувство к ней? Или то, что поверил, как мальчишка, в ее чувство к нему? Поверил, что у него, как у всех людей, может быть семья, дом?

"Тут было что-то чудное, и как оно случилось, я до сих пор не умею вам объяснить".

Еще он не умеет объяснить своей роли при ней. Что это не роль мужа, теперь ему ясно,

Женитьба Гоголя

Автор: Administrator
03.04.2012 00:00 -

чудес на свете не бывает, разве что в волшебных историях, которые он так великолепно складывал. Но то — на бумаге; в жизни, как выяснялось раз за разом в собственной жизни, он был никудышным строителем.

И все же: "Чем-нибудь да должен же я быть относительно вас: Бог недаром сталкивает так чудно людей. Может быть, я должен быть не что иное в отношении вас, как верный пес, обязанный беречь в каком-нибудь углу имущество господина своего".

Да, в жизни — в собственной жизни — он был никудышным строителем, но компенсировал дефицит счастья на бумаге, в том числе и в преданном огню втором томе "Мертвых душ", где запечатлел свою избранницу.

Кое-кто находил, что Улинька как-то уж чрезмерно хороша, что она явно идеализирована, ибо читателю непонятно, "отчего она вышла такую, кто в этом виноват".

Автор слушал, опустив глаза. Уж он-то, наставник Анны Михайловны, несравненной Нози, знал, кто виноват.

Руслан КИРЕЕВ